

The background is a dynamic, abstract composition. It features a central, bright yellow explosion or burst of light that radiates outwards. This central element is surrounded by numerous thin, elongated yellow streaks and larger, more diffuse yellow clouds, all set against a deep black background. The overall effect is one of intense energy, movement, and a sense of being pulled into a vortex or a high-speed journey through space or time.

Айгюль Бурджалиева

Потерянный во времени

Айгюль Бурджалиева

Потерянный во времени

«Автор»

2026

Бурджалиева А.

Потерянный во времени / А. Бурджалиева — «Автор», 2026

Алексей — талантливый врач-психиатр. Он привык разбираться в чужом безумии, но не замечает, как его собственная реальность начинает трещать по швам. Он просыпается в клинике в выходной день, не помня, как туда попал. Находит в своем телефоне странную записку: «Пациентка Вера умрёт через три дня» — и не может вспомнить, когда писал эти слова. Через три дня Вера действительно умирает. Единственная, кто не списывает его состояние на безумие, — коллега-невролог, Ирина. Вместе они находят в подвале городского архива комнату. За её дверью — тысячи мониторов, десятки тысяч людей, чьи временные линии «пошли не так». И обратный отсчет до их собственного удаления. Герои попадают в ловушку собственного прошлого, о котором они ничего не помнят. Оказывается, много лет назад они создали эту систему для лечения травм памяти. Но технология вышла из-под контроля. У героев есть три дня, чтобы исправить ошибку, которую они совершили, пытаясь обмануть смерть, и при этом, не потерять друг друга.

© Бурджалиева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Потерянный во времени

Глава 1

Пролог

Суббота, 12 октября, 23:40

Он проснулся от собственного крика.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладонь сама нашарила на тумбочке стакан с водой — пальцы дрожали так сильно, что половина выплеснулась на футболку. Холод пробежал по груди, и это помогло. Помогло понять: он здесь. В своей квартире. В своей постели. Где ещё?

А где ещё? — повторил вопрос внутренний голос, который обычно молчал.

Алексей включил ночник. Комната выглядела совершенно обычно: разбросанные медицинские журналы на столе, недопитый кофе в кружке, на подоконнике — фиалка, которую подарила мама три года назад. Цела. Значит, ничего не изменилось.

В руке оказался телефон. Он не помнил, чтобы брал его. Экран горел: открыто приложение с заметками. Там, под заголовком «14:10 — запись для себя», стояло одно предложение.

«Пациентка Вера умрёт через три дня. Скажи ей, что ты её прости.»

Алексей сбросил телефон на одеяло, как будто тот обжёг ему пальцы. Веру — в смысле Веру Сергеевну? Ту самую Веру из 12-й палаты? Он её лечащий врач уже второй месяц. Она никогда не умирала. Она... она была жива сегодня утром. Нет, не сегодня. Он видел её в среду. Сегодня ведь какое сегодня число?

Телефон снова в руке. 23:42. Четверг, 12 октября.

Он выдохнул. Просто кошмар. Просто ночной ужас, симптом усталости, надо взять отпуск.

Но запись в заметках была сделана сегодня — в 14:10 дня, когда он точно был на сессии с Владимиром Петровичем, а не писал бред про смерть пациентки. Или не был? Он закрыл глаза и попытался вспомнить утро. Завтрак. Дорогу в клинику. Приём.

Пустота. Вместо воспоминаний — странный серый шум, как от сломанного телевизора.

Алексей поднялся с кровати и подошёл к зеркалу. На отражённого мужчину стоило посмотреть: помятое лицо, синяки под глазами, на шее — непонятная царапина. Свежая.

— Богданов, ты - психиатр, — сказал он отражению шёпотом. — Ты знаешь, что галлюцинации не щиплются. И не оставляют следов.

Царапина была настоящей. И запись в телефоне тоже.

Он не знал тогда, что через два дня Вера Сергеевна действительно умрёт — тихо, во сне, с улыбкой. И что перед смертью она успеет прошептать санитарке: «Передайте доктору пусть не ищет правду. Она его сожрёт».

Он не знал, что ночь на 12 октября станет первой из многих, когда он потеряет время.

Он вообще ничего не знал. Только одно: он больше не уверен, что находится в настоящем.

Глава 1. Утро перед

Пятница, 13 октября, 7:15

Он приехал в клинику на полчаса раньше обычного — специально, чтобы успеть проверить истории болезней. Галлюцинации? Нет. Царапина исчезла. Запись в телефоне — тоже. Он перерыл заметки, мессенджеры, даже черновики в почте — ни слова про Веру или три дня.

— Доброе утро, Алексей Дмитриевич, — старшая медсестра Тамара Петровна взглянула на него с тревогой. — Вы сегодня какой-то потерянный.

— Бессонница, — ответил он автоматически. — Вера Сергеевна как?

Тамара Петровна удивилась, но не подала вида.

— Спит. Всё по расписанию. А что, есть повод волноваться?

— Нет. Проверьте просто, пожалуйста, её кардиограмму за последнюю неделю.

Он прошёл в свой кабинет. Запах дешёвого кофе и бумаги — знакомый, спасительный. Сел за стол, открыл историю Веры Сергеевны.

Вера Сергеевна Горелова, 42 года. Диагноз: диссоциативное расстройство идентичности (F 44.8 в МКБ-10).

Поступила два месяца назад с жалобами на «выпадения из времени» и «чужие воспоминания», «чувство замешательства». Агрессии не проявляет. Социально адаптирована. Лечение: антипсихотики, психотерапия, арт-терапия.

Показатели за вчерашний день — в норме. ЭЭГ — без патологий. ЭКГ — норма.

Он откинулся на спинку стула и потёр виски. Конечно. Всё в порядке. Ему просто приснился дурной сон. Организм так предупреждает: тормози, доктор, выгорание на горизонте.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге стояла она. Ирина Викторовна Каверина — невролог, сорока двух лет от роду, с неизменной чёрной папкой и взглядом человека, который уже обо всём составил своё мнение и не собирается его менять. Короткая стрижка, очки в тонкой оправе. В прошлом месяце они вместе вели сложный случай афазии, и он поймал себя на мысли, что её голос — низкий, чуть хриловатый — ему почему-то нравится. Даже когда она с ним спорит.

— Слушай, Лёша, — Ирина редко называла его по имени, — у меня к тебе странный вопрос. Ты вчера забирал своё заключение по Гореловой?

— Нет. А что?

— Оно исчезло. Из общей папки. И компьютерная версия удалена из внутренней сети базы данных. Без следа.

Он замер.

— Когда это заметили?

— Полчаса назад. Архивный отдел в шоке — говорят, в системе нет даже логов доступа к этому файлу. Как будто его никогда не существовало.

— Но он существует. Я его создавал. — Алексей встал. — Давай вместе посмотрим.

Они проверили. Три часа. Перерыли все серверы, локальные копии, резервные копии. Ничего. Заключение по Вере Сергеевне Гореловой, где он подробно описывал её временные провалы и чужие воспоминания, исчезло полностью — из цифры, из бумаги, из памяти коллег. О нём помнили только двое: он и Ирина.

— Это невозможно, — сказала Ирина, когда они вышли в коридор. — Даже если хакеры, следы все равно остаются.

— Может, мне показалось? Может, я его и не писал?

Она смотрела на него долго, не отводя взгляда. С тем самым выражением — не жалость, а профессиональная оценка.

— Ты сегодня сам не свой. Кофе?

Они пошли в ординаторскую. По пути он видел Веру Сергеевну — та сидела на кровати в 12-й палате и рисовала что-то в альбоме. Спокойная, улыбочивая. Живая. Через сутки её не станет, но он этого ещё не знал. Не хотел знать. Потому что если это правда — значит, либо он видит будущее, либо кто-то его подставляет, либо

Либо он теряет рассудок.

— Слушай, — сказал он Ирине, когда они сели с кофе. — Ты веришь, что время может идти не по прямой?

Она подняла бровь.

— В каком смысле?

— В прямом. Что прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Просто мы их не видим.

Ирина отпила кофе, помолчала, потом ответила, не сразу.

— Как невролог — нет. Как человек, который десять лет смотрит на сбои в работе мозга — иногда мне кажется, что мозг знает о времени больше, чем мы думаем.

— Значит, возможно?

— Возможно, у тебя паранойя на фоне недосыпа. — Она почти улыбнулась. — Доедай печенье и иди домой. Я сегодня закрою Горелову по обходу.

Он кивнул. Допивать кофе не стал.

Вернувшись в кабинет, обнаружил на столе жёлтый стикер, которого утром не было. На нём знакомым почерком — своим почерком — было написано:

«Не оставляй её одну. И не говори правду. Правда не лечит.»

И дата с точным временем: 13.10, 8:47 — время пятнадцать минут назад, когда он был в ординаторской с Ириной.

Он провёл рукой по лицу и понял, что не помнит, как писал эту записку. Как вернулся из ординаторской. Как садился за стол.

Потеряно ещё пятнадцать минут.

ГЛАВА 2

Глава 2. Суббота, когда всё сломалось

Суббота, 14 октября, 6:02

Он не помнил, как оказался в клинике.

Вчера он ушёл домой в четыре, выпил успокоительное, лёг в восемь вечера — и провалился в сон без сновидений. А теперь стоял в коридоре отделения, в том самом свитере, в котором ложился спать, и сжимал в руке ключ-карту. Часы на стене показывали начало седьмого утра.

— Алексей Дмитриевич? — санитарка Надя вышла из сестринской с перепуганным лицом. — Вы здесь какими судьбами? Вас же не было на ночной смене.

— Я — Он не знал, что сказать. — Проверить кое-что.

— Там Вера Сергеевна, — голос Нади дрогнул. — Мы только что зашли к ней, чтобы давление измерить, а она она не дышит.

Внутри всё оборвалось.

Он бежал по коридору, не чувствуя ног. 12-я палата. Свет горит. На кровати — Вера, с закрытыми глазами, с лёгкой улыбкой на губах. Руки сложены на груди, будто она сама себя так положила.

— Вызывайте реанимацию! — крикнул он, хотя понимал: поздно.

Надя уже дрожащими пальцами набирала номер.

Он проверил пульс — ничего. Зрачки — расширены и не реагируют на свет. Дыхания нет. Кожа ещё тёплая, но уже начинала бледнеть.

— Давно вы её последний раз видели?

— Часа в два ночи. Она спала спокойно. И вот

Он осмотрел палату. Всё на месте. стакан с водой. Книга на тумбочке — Агата Кристи, «Убийство в Восточном экспрессе». На стене — её рисунки. Вера много рисовала, это входило в терапию.

И тут он заметил.

На прикроватной тумбочке, под книгой, лежал лист из альбома. Рисунок углём — его собственное лицо. Узнаваемо, даже слишком точно. Но не это заставило кровь застыть в жилах.

Под рисунком была надпись, сделанная карандашом, детским круглым почерком Веры:

«Доктор, вы уже были здесь. В тот раз у вас получилось. Не бойтесь! Она Вам поможет.»

«Она» было подчёркнуто трижды.

Алексей сунул рисунок в карман халата за секунду до того, как в палату ворвались реаниматологи. Дальше — суэта, ложные попытки запустить сердце, слова «констатирована биологическая смерть», слёзы санитарки, тупое чувство, что этот момент он уже переживал.

Он переживал.

В записках телефона, которые исчезли. Во сне, который не был сном. В стикере, который написал сам себе, но не помнил этого.

«Пациентка Вера умрёт через три дня».

Сбылось

Он нашёл Ирину в ординаторской. Она пила растворимый кофе и читала что-то в планшете — ещё не знала о случившемся.

— Вера Горелова умерла, — сказал он с порога.

Планшет упал на стол. Ирина подняла глаза — секундное замешательство, потом профессиональная собранность.

— Как?

— Остановка сердца. Во сне.

— У неё же не было никаких кардио-патологий.

— Не было. — Он сел напротив. — Ирина, ты не подумай, что я сошёл с ума, но я знал. Я знал об этом ещё в четверг. Не так — не детально, но знал, что она умрёт. И не мог ничего сделать.

Она молчала долго. Отставила кружку.

— Ты хочешь сказать, что предвидел будущее?

— Я хочу сказать, что в моём телефоне была запись: «Пациентка Вера умрёт через три дня». А потом запись исчезла. И я не помню, как её делал.

Ирина смотрела на него так, как смотрят на человека, который утверждает, что видел НЛО. Но она была неврологом. Она знала, что мозг способен на многое — и на ложные воспоминания, и на криптомнезии, и даже на «путешествия во времени» во сне.

— Покажи телефон.

Он показал. Заметки были пусты. Ирина перепроверила дату создания файлов, историю облачных копий, даже журнал вызовов — ничего. Чисто.

— Если ты хочешь моё медицинское мнение — это либо кратковременный амнестический синдром на фоне стресса, либо

— Либо?

— Либо ты что-то скрываешь. — Она отдала телефон. — Но, как бы это странно не звучало, я тебе верю. Потому что в четверг ты спросил меня про время. А вчера, после обеда, я видела, как ты разговаривал сам с собой в кабинете.

— Я разговаривал?

— Да. Тихо, но я слышала. Ты сказал: «Я помню то, чего ещё не было».

Алексея пробрал озноб.

— Я не помню этого разговора.

— Вот и я о том же. — Ирина встала. — Слушай, давай так. Я пока оформляю документы по Гореловой. А ты иди в архив, посмотри, может, остались какие-нибудь её старые анализы, дневники наблюдений. Если она действительно предсказывала что-то до смерти, это важно.

— Для чего?

— Для того, чтобы понять: у неё был бред, который совпал с реальностью случайно. Или — Ирина запнулась, подбирая слова. — Или твоя психика начала синхронизироваться с её.

Он кивнул. Вышел в коридор, прошёл мимо 12-й палаты — дверь была открыта, кровать пуста, простыни скомканы. Только на стене остались рисунки Веры.

Он остановился. Подошёл ближе.

Среди привычных абстракций и портретов других пациентов он увидел тот, которого вчера здесь не было. Рисунок, сделанный в той же угольной технике — но другим, более твёрдым почерком. На нём были двое: он и Ирина. Они стояли на крыше какого-то здания, держались за руки, а за их спинами полыхало небо.

Внизу, в правом углу, Вера приписала тонкой кисточкой:

«Не бросайте друг друга. У вас получится. Я знаю, я там была.»

Алексей снял рисунок со стены и сунул в папку вместе с первым.

Теперь у него было две улики, один труп, одна коллега, которая начинала ему верить — и полное отсутствие понимания, живёт ли он в настоящем или уже давно мёртв.

ГЛАВА 3

Глава 3. Тот, кто знает

Понедельник, 16 октября, 9:20

Выходные прошли как в тумане. Алексей почти не спал, пересматривал записи Веры — те, что уцелели. Её дневник наблюдений, который он вёл два месяца, оказался нетронутым. Там не было ничего необычного. Только в последней записи, сделанной за два дня до смерти, он нашёл строку:

«Сегодня доктор сказал мне, что боится потерять себя. Я ответила: «Вы не потеряете. Вы уже нашли. Просто ещё не поняли.» Он улыбнулся, но глаза были грустные. Он хороший. Жаль, что я не успею его предупредить обо всём.»

Он не помнил этого разговора.

Теперь он сидел в своём кабинете, перебирая бумаги, когда в дверь постучали — негромко, почти робко.

— Войдите.

Санитарка Надя просунула голову.

— Алексей Дмитриевич, там новенький. Из приёмного покоя привезли. Говорят, Ваш.

— Мой?

— Ну, он сам попросил. Сказал: «Только к Алексею Дмитриевичу, ни к кому другому».

Алексей вздохнул. Консультации без направления — обычное дело, особенно после выходных.

— Впустите.

Через минуту в кабинет вошёл мужчина. Лет сорока пяти, одет в дорожную тёмно-синюю куртку и джинсы, лицо ухоженное, но измождённое — как у человека, который долго не спал. В руках ничего. Ни направления, ни паспорта, ни полиса.

— Здравствуйте, — сказал Алексей, указывая на стул. — Присаживайтесь.

Мужчина сел не сразу. Сначала осмотрел кабинет — медленно, внимательно, будто искал что-то знакомое. Потом посмотрел прямо в глаза Алексею. И улыбнулся — странной, болезненной улыбкой.

— Вы меня не узнаете, да?

— Мы встречались раньше?

— Нет. Но Вы меня узнаете. Через некоторое время.

Алексей внутренне напрягся. Типичный симптом бреда узнавания — пациент настаивает на ложной связи с врачом. Но что-то в голосе этого человека было не так. Не пафос, не мания, а тихая уверенность.

— Как Вас зовут?

— Максим.

— Максим?

— Пока просто Максим. Фамилия ничего не изменит.

— Хорошо, Максим. Кто Вас направил ко мне?

— Никто. Я сам пришёл.

— Почему именно ко мне?

Максим помолчал. Опустил глаза, потом снова поднял.

— Потому что Вы единственный, кто меня поймёт. Вы уже через это проходили. Вернее, пройдёте. Время — странная штука, доктор. Вы не находите?

Сердце сильно забилось.

— В каком смысле?

— В прямом. — Максим наклонился вперёд, понизил голос. — Вы теряете куски жизни, доктор. Вы просыпаетесь в местах, куда не ложились спать. Вы пишете себе записки, которых не помните. Вы предвидели смерть своей пациентки. — Он сделал паузу. — Я прав?

Алексей не ответил. Внутри всё похолодело. Откуда этот человек мог знать про заметки? Про записки? Про Веру?

— Кто Вы? — повторил он уже другим тоном.

— Я сказал: Максим. — Мужчина откинулся на спинку стула. — И я здесь, чтобы помочь. У вас скоро начнутся серьёзные проблемы, Алексей Сергеевич. Вы будете видеть вещи, которые не должны существовать. Вы будете слышать голоса людей, которых нет в этой комнате. И Вы начнёте сомневаться, живёте ли Вы вообще.

— Звучит как психотический эпизод, — сухо сказал Алексей, беря ручку. — Вы наблюдались у психиатра раньше?

— Нет. И Вы знаете, что я не болен. — Максим усмехнулся. — Вы же психиатр. Вы чувствуете разницу между бредом и правдой. Иначе бы уже выписали себе антипсихотики.

Алексей отложил ручку. Это было правдой: он не чувствовал в этом человеке клинической симптоматики. Ни психомоторного возбуждения, ни уплощённого аффекта, ни разорванности мышления. Максим говорил связно, логично, с полным контролем. Это был не пациент. Или пациент, но не обычный.

— Допустим, я поверю, — сказал Алексей медленно. — Что тогда?

Максим достал из кармана куртки сложенный лист бумаги и положил на стол.

— Тогда Вы откроете это, когда останетесь один. И сделаете то, что там написано. Это не опасно. Просто приготовьтесь.

— К чему?

— К тому, что реальность — это не самая надёжная штука, доктор. — Максим встал. — Мне пора. Я больше не приду. Мы встретимся позже — но Вы меня уже не вспомните. Так нужно.

Он направился к двери, но на пороге обернулся.

— Ирина вас не подведёт. Доверьтесь ей, даже когда будет больно. Особенно, когда будет больно.

Дверь закрылась.

Алексей рванул следом — но в коридоре уже никого не было. Только медсёстры у поста переговаривались, да кто-то из пациентов медленно брёл по коридору в халате.

— Куда ушёл мужчина? Который только что вышел из моего кабинета?

Старшая медсестра подняла брови:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.